

Не оставляйте на «потом»
Ни свет в окне, ни отчий дом,
Ни покаяние в грехе,
Ни откровение в стихе.

Конверт с неначатым письмом,
Пока слова горят и жгут,
Не оставляйте на «потом» –
Потом его уже не ждут.

Застывший воск свечи – янтарь на шее ночи.
И старая любовь, и тайная печаль,
И неизбывный свет забытой напрочь строчки,
И вера, что пора все заново начать.

Осенний силуэт в оконном зазеркалье,
И грешная струна в придуманном раю,
И талые слова перед святым молчаньем –
Последний перелет из августа в июнь.

Успеть бы, дорогой, добавить в этот список
От будущих надежд – вот новая свеча...
Но нам слепит глаза, имея мудрый смысл,
И старая любовь, и тайная печаль.

Зачем тебе, душенька, запахи лета
Да голос реки?
Зачем так спешат на огонь, будто к свету,
Твои мотыльки?
Зачем тебе, душенька, это?

Зачем тебе счастье, которое зыбко,
И кратко, как миг?
И только качается звездная зыбка
В ладонях твоих.
Зачем тебе, душенька, это?

Не все ли равно, коли знаем заранее,
Что будет без нас?
Зачем тебе истина вечных скитаний –
Ответь мне сейчас.
Зачем тебе, душенька, это?

И слышу я голос над спящей долиной,
Где звезды и снег:

«На то я душа,
Понимаешь, мой милый?
А ты – человек...»

Шелест осенний млечной дороги –
Что-то о людях, что-то о Боге...

Сумерек ставни, звездная пена –
Пеною станет слово «измена».

В темное небо ворон стучится –
Кто потревожил черную птицу?

Это за небом, в теплом закате,
Зябкие тени наших объятий...

Сезон последнего дождя,
Начало бархатных снежинок,
Два слова – «можно» и «нельзя» –
В забавной книжке без картинок.

В ней – то намеки в унисон,
То мудрецы мы и невежды,
И полуявь, и полусон,
И наши взрослые одежды.

Там нашим рекам, как ни жаль,
Не впасть в одно и то же море,
А нерожденная печаль –
Всего лишь тень на темной шторе.

Дано понять тебе и мне,
Что заврачуется время души:
Холодным солнцем по волне,
Шагами детскими по суше.

Последний замок на песке –
Спешит в тепло дитя природы.
И как бы сами по себе
В затон уходят пароходы.

С какою радостью на лицах –
Свидетель небо и земля! –
Поймать торопимся синицу,
Закрыв глаза на журавля.

Как непохожи эти птицы,

Когда сойдет победный хмель:
В руке зажата синица –
Летающий в небе журавель...

И гнули осоку большие стрекозы,
И все было явью, и все было сном:
Шатер кочевой и счастливые слезы,
Разлука до встречи и встреча потом.

Все той же походкой – по летнему полдню,
По лугу, по небу на берег земной,
А губы и сердце: «Я помню, я помню –
Стоял здесь когда-то шатер кочевой».

Не надо по небу, не надо по лугу,
По летнему полдню на берег земной –
Другая пригрезилась милому другу,
Далеко отсюда шатер кочевой.

Подруга, он песню твою не услышит,
Осока взошла по дороге домой,
Лишь ветер ее мимоходом колышет.
Счастливые слезы. Шатер кочевой.

В дебрях мозга без огней,
Память – как в засаде,
И очередями дней
Из засады садит.

Ты ли, я ли – ей-то что?
Щурится в прицеле:
Либо душу в решето,
Либо дырку в теле.

Когда в твои ладони

Уставшему от бешеной погони
Едино – приговор или палач...
И все не так, когда в твои ладони
Вдыхаю я: «Любимая, не плачь...»

Небо и лопух

Под высоким небом, что от века
Отдавалось птицам на постой,
В пыльной яме, будто бы для смеха,

Жил у трех дорог лопух простой.

Все ему чего-то не хватало –
Что хватает только одному,
А в высоком небе хохотало
Нечто непонятное ему.

И однажды ливень грянул с маху –
Чистый и прозрачный, как из снов,
И под гром, который только ахал,
Затопило яму до краев.

Я не знаю, так ли это было,
Но по большаку гуляет слух,
Будто в яме той, что затопило,
Под водою хохотал лопух.

...То печаль в природе, то отрада,
Но достойны музыки и строк
И небес высокая прохлада,
И простой лопух у трех дорог.

Памяти А. К.

С надеждой и верой тебе голоса –
Сумняся ничтоже:
«Когда же прозреют твои небеса,
Наш праведный Боже?

Не часто ли рвутся у паствы твоей
Кровавые жилы?
Уже и не страшно – нам странно, поверь,
Что мы еще живы...»

С последней мольбою к тебе голоса
Зайдутся от боли.
...Когда же прозреют твои небеса –
Узреешь кого ли?